

**Отзыв официального оппонента о диссертации Натальи Андреевны Кошелюк
«Графико-фонетические особенности первых памятников на мансийском языке сер.
XVIII – нач. XX вв.», представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.02 — Языки народов Российской
Федерации (мансийский язык)**

Диссертация Натальи Андреевны Кошелюк посвящена языковым особенностям ряда памятников мансийской письменности. Основное внимание уделяется графической системе памятников, служащей ключом к изучению фонетических систем тех говоров, которые были положены в основу текстов. Помимо этого, приводятся некоторые сведения о морфологических особенностях языка памятников, а также о фонетике современных мансийских говоров. Мансийский материал рассматривается в работе в широкой диалектологической, внутригенетической и сравнительно-исторической перспективе.

Актуальность выбранной темы обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, хотя мансийский язык описан на базовом уровне, многие его особенности были проанализированы довольно поверхностно (здесь следует учитывать и высокую степень идиомного варьирования, документация которого усложняется неблагоприятными социолингвистическими факторами). Это придает важность задаче его углубленного исследования, в частности, касающегося фонетической системы. Во-вторых, исследования письменных памятников на уральских и алтайских языках народов России получили в последние годы значительный импульс: десятки памятников были оцифрованы на платформе LingvoDoc, в т. ч. при участии диссертантки, и тем самым введены в научный оборот. Рецензируемая диссертация вносит важный методологический вклад в это направление исследований, поскольку в ней эксплицированы, проиллюстрированы на мансийском материале и сделаны возможным предметом научной дискуссии многие методологические принципы работы с памятниками. Этот аспект работы является **значимым с теоретической** точки зрения. **Практическую значимость** исследования обуславливает возможность использования результатов в преподавании мансийского языка и связанных с этим филологических курсов, а также применимость ресурсов, созданных автором в процессе подготовки диссертации, для задач сохранения и ревитализации мансийского языка.

Работа Н. А. Кошелюк обладает несомненной **новизной**, поскольку в ней впервые представлен подробный лингвистический анализ нескольких памятников мансийской письменности. Помимо этого, предложен инструментальный фонетический анализ современных записей мансийской речи, ценный ввиду, во-первых, ограниченности и труднодоступности данных подобного рода по мансийскому языку, во-вторых, весьма сложного устройства его фонетической системы.

Достоверность выводов диссертационного исследования определяется тем, что они **обоснованы** с привлечением детально проработанного материала из разносторонних источников: письменных памятников, аудиоматериалов по современным диалектам, словарей, исследовательских работ по мансийскому и близкородственным языкам. Тексты памятников, обсуждаемых в диссертации, оцифрованы и размещены в свободном доступе на платформе LingvoDoc, а также проанализированы с использованием ряда разработанных создателями платформы программных средств. Всё это обеспечивает верифицируемость результатов. Диссертация прошла адекватную **апробацию**; количество публикаций автора

по теме исследования не только соответствует действующим требованиям, но и превосходит их.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и списка литературы. Во **введении** дается общая характеристика диссертации, в частности: актуальность, научная разработанность проблемы, новизна, предмет исследования, цели и задачи, источники данных и методы, теоретическая и практическая значимость, выносимые на защиту положения. В **главе 1** содержится обзор исследований мансийского языка, а также географические сведения о расселении носителей мансийских диалектов, важные для понимания результатов исследования. **Глава 2** включает анализ фонетической системы мансийского языка, выполненный на разностороннем материале, в т. ч. с привлечением современных полевых аудиозаписей одного из говоров сосьвинского диалекта. В этой же главе обсуждаются морфологические особенности мансийских диалектов: привлечение обработанных диссертанткой архивных материалов позволило дополнить сведения, доступные из работ предшественников, и предложить сценарии развития морфологических инноваций в исследуемых идиомах. В **главах 3 и 4** обсуждаются графические особенности нескольких памятников мансийской письменности. Автор проводит скрупулезный анализ текстов памятников, дополняя его сопоставлением с другими материалами по мансийскому языку и с существующими диахроническими построениями. Делаются выводы об устройстве систем вокализма и консонантизма в говорах, которые были положены в основу памятников; о диалектной принадлежности памятников; о точности отражения мансийской фонетики и фонологии в ряде опубликованных источников; об основаниях для уточнения классификации мансийских диалектов. В **заключении** подводятся итоги исследования.

Диссертация в целом производит благоприятное впечатление. Автор демонстрирует разносторонний научный кругозор и навыки работы с различными типами языковых данных, вовлекая в сферу исследования и графические особенности памятников, и инструментальные данные о современной фонетике, и морфологические особенности, и вопросы диахронии. Вводится в научный оборот солидный массив новых данных, в первую очередь архивных. Материал проанализирован очень тщательно и аккуратно представлен в работе. Предложенный в диссертации анализ учитывает солидный массив литературы по мансийскому языку, топонимике, истории, этнографии, по другим уральским языкам и по проблемам сравнительно-исторического языкознания. Выводы представляют интерес как для мансийского языкознания, так и для более широкого круга исследований по диалектологии и истории уральских языков. Текст логично организован и написан грамотным научным языком; стилистические погрешности и опечатки немногочисленны и не препятствуют восприятию работы.

Наряду с этим, у нас имеется ряд замечаний и вопросов по тексту диссертации. В частности, они касаются исследования современной фонетической системы сосьвинского диалекта, представленного в разделе 2.1. Здесь хотелось бы уточнить следующие моменты: — Как сделанные выводы об инвентаре гласных фонем сосьвинского диалекта коррелируют с результатами, которые можно было бы получить традиционными методами фонологии (ср. хотя бы классическую монографию Н. С. Трубецкого)? В частности, имеются ли минимальные пары между выделенными гласными, особенно для проблемных случаев?

— Проблему для исследования мансийского вокализма представляют различные степени долготы гласных. При этом в инструментальном анализе, который предложен в работе, противопоставление гласных по долготе, насколько мы поняли, не вводится. Какие аргументы мог бы высказать автор за или против трактовки признака долготы как фонологического в исследованном идиоме?

— Контролировалась ли при подсчетах средних значений формант сбалансированность различных гласных по фонетическим контекстам в примерах из словаря (например, нахождение гласного после палатализованного или губного согласного, или после согласного еще какого-то класса, который может существенно влиять на величину формант гласного в мансийском)? Аналогичный вопрос касается сравнения значений формант мансийских гласных со средними значениями формант гласных по МФА. Имеются ли подтверждения того, что сравниваемые значения сбалансированы по фонетическим контекстам, а также по другим признакам, релевантным для определения формальной структуры (в частности, по полу диктора)?

— На с. 55 указывается, что объединение выявленных аллофонов в фонемы было проведено алгоритмом Phonology в системе LingvoDoc. Здесь было бы уместно пояснить, по каким принципам работает этот алгоритм, как может быть произведена верификация результатов его работы, какие в целом имеются оценки точности и полноты его результатов?

Еще один сюжет, на который мы хотели бы обратить внимание, представлен в разделе 4.1.3, где автор рассматривает закономерности наборов гласных в словоформах памятников как «случай, похожие на сингармонизм». Здесь у нас возникли следующие вопросы:

— Зафиксированы ли в этих памятниках варианты написания одних и тех же аффиксов, в которых различались бы гласные в зависимости от предшествующего гласного основы? В языке с сингармонизмом подобное варьирование было бы ожидаемым. Или, наоборот, за каждым аффиксом четко закреплен один вариант написания?

— На с. 169 утверждается: «Согласно приведенным примерам и зафиксированному количеству случаев словоформ на *e-e*, можно говорить о наличии сингармонизма по ряду в Евангелии от Матфея (1868)». Однако остается неясным, как с этим утверждением сосуществует достаточно распространенное сочетание гласных *e-ы*, упомянутое на той же странице. Можно ли сделать какие-либо предположения об акустических и артикуляционных характеристиках гласного, обозначаемого в памятнике буквой *ы*? Кроме того, возникает вопрос, почему сингармонизм касается в таком случае слов с гласным *e*, но не с другими гласными переднего ряда. Есть ли объяснение этому факту и/или типологические параллели к устроенной так модели сингармонизма?

Имеется и ряд вопросов по отдельным формулировкам:

— С. 6: Утверждается, что основу словаря, созданного в 1736 г., составил «язык манси, проживающих вдоль рр. Тагил, Чусовая и Тура Свердловской области». Мы бы рекомендовали быть аккуратнее в географических наименованиях, поскольку в XVIII в. регион под названием «Свердловская область» существовать, очевидно, не мог.

— С. 8: Не совсем понятна формулировка «данные литературного сосвинского диалекта». Может ли быть литературным сам диалект? Кроме того, на с. 43 приводится вариант транскрипции, определяемый в диссертации как «фонологическая транскрипция мансийского литературного языка». Можно ли в случае мансийского говорить о

существовании устоявшегося литературного языка, или речь всё-таки идет о диалекте, положенном в основу некоей письменной традиции?

— С. 25: Утверждение о том, что мансийский «считается одним из самых малоизученных языков мира», на наш взгляд, несколько преувеличено. Как бы ни были актуальны углубленные исследования мансийского, для него написаны базовые грамматики, словари, научные монографии и статьи по отдельным сюжетам. Этим могут похвастать далеко не все языки мира.

— В главе 1 местами выглядят затянуто пассажи о подробностях мансийских экспедиций конца XIX – начала XX в., особенно это касается развернутых цитат из других работ.

— С. 42: Формулировка «Ввиду очевидной сложности этих двух вариантов графического письма, ни один язык мира не построен на их основе» представляется не вполне удачной, поскольку языки в принципе не строятся на основе письма, а зачастую и вовсе являются бесписьменными.

— С. 62: Для южных диалектов, по данным Б. Мункачи, приводится форма двойственного числа от числительного ‘два’. А есть ли в источнике примеры образования этой формы от существительных?

— С. 63: В словоформе дв. ч., процитированной из работы Л. Хонти в Таблице 10, не соответствуют друг другу глоссирование и перевод.

— С. 68: Как следует из текста диссертации, в описаниях различных мансийских диалектов приводится несколько различающийся инвентарь падежей (так, в южном тавдинском диалекте был зафиксирован совместный падеж, а в северном диалекте — звательный падеж). Идет ли речь в данном случае об отсутствии указанных показателей в части диалектов или о том, что одни исследователи трактовали эти показатели, присутствующие на самом деле и в других диалектах, как падежные, а другие трактовали их иначе?

— С. 91, 92: В качестве источников заимствования для мансийских лексем *оксэ* ‘деньги’ и *учиш* ‘зло’ указываются соответственно башкирский и тувинский языки. Не совсем ясно, какие аргументы позволяют в этих случаях определить конкретный язык — источник заимствования.

— С. 99: К таблице 27 было бы хорошо добавить небольшой пояснительный текст.

— С. 99: «В исследуемом памятнике ПМанс **a* переходит в *o*» — не пропущена ли здесь долгота *a*?

— С. 118: «определили еще одну задачу этого исследования: установить, может ли Евангелие 1847–1848 гг. являться незафиксированным и уже исчезнувшим диалектом или представлять предшествующую стадию одного из засвидетельствованных» — формулировка не совсем удачная, т. к. Евангелие может быть не диалектом, а текстом на некотором диалекте.

— С. 131: Приведенные праформы и диалектные варианты к слову *не* ‘женщина’, по-видимому, не являются его фонетическими соответствиями.

— С. 136–137: Неясно, как примеры под заголовком «ПМанс. **e* > *ä/a, a*» соответствуют этому заголовку. Прамансийские формы, которые включали бы фонему **e*, в этом фрагменте не представлены.

Высказанные замечания не снижают общего положительного впечатления от рецензируемой диссертации. Во многих случаях они носят дискуссионный или технический характер. Работа вводит в научный оборот существенный объем новых, качественно проанализированных данных мансийского языка и представляет несомненный

интерес для специалистов по мансийскому и другим уральским языкам, истории развития письменности, сравнительно-историческому языкознанию, фонетической типологии.

Диссертация «Графико-фонетические особенности первых памятников на мансийском языке сер. XVIII – нач. XX вв.» **соответствует всем требованиям** действующего Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор, Наталья Андреевна Кошелев, **заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук** по специальности 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (мансийский язык). Автореферат и публикации с достаточной полнотой отражают основное содержание диссертации.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики
и лингвистической поэтики,
научный сотрудник Группы по изучению
контактного взаимодействия русского языка
с языками коренных народов России
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки
Института русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук

Е. В. Кашкин

26 июля 2022 г.

Подпись руки <u>Е. В. Кашкина</u> удостоверяю.
Главный специалист по кадрам Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук " 26 " июля 2022 г. ОТДЕЛ КАДРОВ

Сведения о составителе отзыва

Егор Владимирович Кашкин

Место работы: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Должность: научный сотрудник

Ученая степень: кандидат филологических наук (специальность 10.02.20 —

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание)

Почтовый адрес: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

Телефон: +7-495-695-26-60.

Электронный адрес: egorka1988@gmail.com

Личная страница: <http://www.ruslang.ru/publica/kashkin>